

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.130.94>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Научная статья

Афанасьев Н.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-6934-7585;

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (n.v.afanasev[at]mail.ru)

Аннотация

В любой культуре пути самовыражения открывают новые мифические сюжеты и образы на основе ранее существующих, применяя метод проб, ошибок и заимствований. В ходе исторической эволюции складывалось специфическое восприятие самого понятия о власти и тех, кто ей обладает, что наделило власть свойствами сверхъестественности. В развитии России большую роль играло тесное взаимодействие церкви и органов власти. Это наложило свой отпечаток на литературные произведения, образы и характеристики героев. Религия прославляла тех или иных политических деятелей, уникальность их черт запечатлена в произведениях прошлых лет. Под влиянием интегрированных механизмов происходило становление политической мифологии, отражающей тенденции правления монархов, прихода власти Советов и последующего периода после распада СССР. Автор статьи провел исследование и оценку критического осмысления исторической личности в формировании политического мифа современной России.

Ключевые слова: политический миф, историческая личность, современная мифология, мифология действительности, образ будущего, массовое сознание.

THE HISTORICAL PERSONALITY IN THE FORMATION OF THE POLITICAL MYTH IN CONTEMPORARY RUSSIA

Research article

Afanasev N.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-6934-7585;

¹ North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

* Corresponding author (n.v.afanasev[at]mail.ru)

Abstract

In any culture, ways of self-expression open up new mythical subjects and images on the basis of pre-existing ones, applying the method of trial, error and borrowing. In the course of historical evolution, a specific perception of the very concept of power and those who wield it evolved, which bestowed upon power the properties of supernaturalism. In Russia's development, a close interaction between church and state authorities has been playing a major role. This had an impact on literary works, images and characters. Religion glorified certain political figures, and the uniqueness of their traits is imprinted in works of the past. Under the influence of integrated mechanisms, a political mythology was formed, reflecting the tendencies of the reign of monarchs, the rise of the Soviets and the subsequent period after the fall of the USSR. The author of the article conducted a study and evaluation of the critical understanding of historical personality in the formation of the political myth of modern Russia.

Keywords: political myth, historical figure, modern mythology, mythology of reality, future image, mass consciousness.

Введение

В религиозных культурах Запада и Востока, с позиции российских экспертов, доминирует наместническая модель проявления власти. Используется понятие «Наместник Христа», символизирующее образ первородного начала, дающего неуязвимость и сверхъестественность, веру в непоколебимость власти правителя, воплощающего волю Иисуса Христа на земле. Наместник Христа отражает вселенский замысел и мощь небесного естества.

Здесь политические тенденции переплетаются с воззрениями религии, формируя общую реальность (теократическую монархию), которая воплощается посредством антагонирования понятий «земля-небо», с чем и связана эволюция российского и европейского обществ. Специалисты отмечают зависимость возникновения данной трактовки власти с введением в Римской Империи христианства как основной формы вероисповедания в государстве в IV веке нашей эры. На ее основе сформировалось отношение к монархии, которая демонстрирует устройство небесной организации, а монарх выступает земным императором Христа.

Такая модель восприятия власти как чего-то сверхъестественного в христианской религии восточных и западных народов имеет две формы выражения. Первая подразумевает, что наместнические задачи Иисуса на земле реализуются через духовное лицо (Римский Папа, Московский Патриарх), другая – через обычного человека (монарх, царь, император).

Основная часть

Папоцезаризм представляет собой один из вариантов упомянутой модели, существующей в культуре Европы средних веков. Здесь речь ведется о тотальной теократической монархии, подразумевающей сосредоточение власти в

руках представителя духовной среды. Он управлял политическими тенденциями, религиозными воззрениями и уполномочивал воплощать божественные цели в мирской жизни определенное светское лицо, власть которого закреплялась на законодательном уровне, принималась и поддерживалась церковью. В ходе исторического развития императоры Священной Римской империи соперничали с Папой Римским и стремились к получению аналогичной власти с теократизацией их полномочий [6, С. 71].

Цезаропапизм является понятием православной религии, которое возникло в VI веке нашей эры. Данный вариант наместничества отражает божественную сущность императора, воплощающего волю высших сил на земле. Здесь же зарождается концепция о *симфонии властей*. Этот период соответствует владычеству византийского императора Юстиниана. Согласно симфонии властей «священство» и «царство» считаются благодеянием Господнем, последнее не требует поддержки от первого, «царство» доминирует над религией. Император является лицом, реализующим божественную волю («Божий помазанник»), исполняет функцию первосвященника, демонстрируя сверхъестественность присущей ему власти – обеспечение целостности неба и земли. Такой прототип прижился в устройстве российской политической и церковной систем [8, С. 274].

Религия и власть в России. Со времен Древней Руси (X век) прослеживается близкая взаимосвязь веры и государства после принятия формы христианства, практикуемой на востоке. Таким образом, Русь практически признала свою полную зависимость от патриархальной власти Константинополя и Византии в сфере культурного развития, которое находилось под влиянием обозначенных тенденций практически на протяжении пяти веков, до момента выхода российской религии из-под влияния патриархальной власти Константинополя. Церковная система, сложившаяся на Руси, впитала в себя тенденции обеих культур, которые оказывали непосредственное влияние на политическое устройство государства.

С позиции экспертов, приблизительно к XVI столетию под воздействием исторических процессов сформировалась отечественная форма наместничества. Предпочтение в сторону религиозных тенденций Византии объясняется тем, что круг полномочий божьего наместника был гораздо обширнее. Религия возводила правителя в статус лица, которому власть предоставлена самим Господом. Подобные тенденции практиковались веками, наместническая модель преобразовывалась и видоизменялась с течением времени, сменой исторических периодов и эпох до момента сосредоточения власти в Москве и становления Московского государства [1].

Существующие на Руси политические тенденции и церковные верования подразумевали, что есть лишь единственный Вселенский христианский правитель. После распада Византии сформировалось понимание того, что этот статус должен получить православный владыка, представляющий волю Иисуса на земле. По мнению С.Л. Фирсова, развитие религиозно-политических отношений охватывает несколько периодов. Началом считается интервал со дня Крещения до XV века.

В этот промежуток исторического развития государственные тенденции соприкасались с религиозными, отражающими специфику жизни народа. Поэтому традиции православного порядка определили бытовые, культурные и политические ориентиры развития общества, определяя *русскую идентичность*, неразрывно сопряженную с данными тенденциями [5, С. 118-119].

Указанный автор, принимая во внимание подход Б.А. Успенского, на втором этапе становления религиозно-политических отношений в России после распада Византии определил два основных пути развития Москвы: подобно Новому Иерусалиму, либо Новому Риму. Новый Иерусалим поддерживает божественно-монархический порядок. В Новом Риме приоритет отдавался православной форме христианства после прекращения эсхатологических волнений в конце XV века. Ближе к началу следующего столетия и зародилась «симфония властей» (В.Е. Вальденберг, идея гармонии властей), определяющая тесную сопряженность «священства» и «царства» России, которые легли в основу становления принципов «Святой Руси». Второй путь стал доминирующим [2, С. 15-16].

Эта концепция о всемирно-историческом значении Руси соответствует рубежу между XV – XVI веками. Москва рассматривается в качестве Нового Рима. В.Е. Вальденберг в своих воззрениях использовал «Повесть о новгородском белом клубуке» и записи Филофея Псковского, инока Спасо-Елеазарова монастыря, основное содержание которых посвящено не самой столице, а государству и отражает не все концепции, практикуемые византийской системой. В некоторых текстах изложена доминанта мирского монарха над религией, он мог вмешиваться в дела церкви и руководить ими, при этом строго чтит и соблюдает религиозные традиции и требования веры, уважал обычаи христианства, несмотря на широкий круг данной ему власти и компетенций.

Филофей описывал период княжества Василия III, в котором предпочтения отдавалось православной форме христианства и устройства церковной системы, а Москва считалась Новым Римом. Князь в записях инока именовался царем, Россия – «царством», московская церковь – «вселенской апостольской». Царь считался единственным правителем христиан, в руках которого сосредоточена вся власть [3, С. 267].

В современных реалиях функции Римского царства влияют на текущую действительность. Б.А. Успенский, В.М. Живов в процессе изучения вопросов сверхъестественности власти подчеркивали, что теория появления «Третьего Рима» наделяет русского правителя божественными качествами и обладает *особой харизмой*. Он выражает волю Господа на земле, являясь владыкой православного царства. Здесь особую важность имеет факт возведения Ивана IV в статус царя в 1547 году.

Существенное значение имеет феномен самозванчества, суть которого посягает на божественное положение монарха и нарушает процесс престолонаследия, фактически ставя под вопрос подлинность «Божьего помазанника». На первых порах подчеркивается уникальность культуры Московского государства, которая присуща лишь русскому народу. Наряду с появлением царского титула, в 1589 году было введено патриаршество, зафиксировано положение о «симфонии властей» [7, С. 31].

С пятидесятых годов XVII столетия можно отметить новый период развития религиозно-политических взаимоотношений, поскольку система симфонии властей подверглась глубокому мирскому влиянию. Действующая

модель имела политическую направленность и была ориентирована на выход из изоляции и интеграцию с ранее существующими византийскими тенденциями. Светская власть очень сильно ущемила влияние церкви, ограничив круг ее компетенций и стремясь к внедрению традиций византийской культуры, что зафиксировано на законодательном уровне.

Этап перехода сверхъестественного восприятия власти к материальному соответствует Синодальному периоду в эпоху правления Петра I.

Самодержавная власть правителя требовала полного и неукоснительного подчинения, соответственно церковь не имела права противоречить императору и разделять управление государством. Тем не менее политика была тесно связана с церковью, а монарх считался православным властителем. Этот период с позиции многих экспертов считается продолжением предыдущих периодов формирования взаимоотношений государства и церкви.

Подобная последовательность соответствует формуле С.С. Уварова «православие – самодержавие – народность», которая стала считаться основной политической тенденцией государства. Фирсов отмечал, что российский царь Николай II выстраивал политическую концепцию государства, ориентируясь на духовные традиции и требования христианства, поскольку считал религию основой монархического строя, где правитель наделен властью божьей на земле.

Влияние православной веры и «симфонии властей» было разрушено в 1917 году с приходом Советов. В дальнейшем религию употребляли в целях псевдоздействия в качестве политического механизма, формируя аналогию «лжесимфонии». После распада СССР православная религия вернулась в российское общество как автономный институт.

Ряд преобразований в политико-религиозных отношениях наблюдается с 1986 года. Правительство отдало приказ о созыве Поместного собора по случаю празднования тысячелетия Крещения Руси (проходившего в Троице-Сергиевой Лавре 6-9 июня 1988 года). Сбор требуемой информации и материалов являлся задачей Юбилейной комиссии. Митрополит Ювеналий (Поярков) выступил с докладом «О канонизации святых в Русской православной церкви». Дмитрий Донской, богослов Максим Грек и московский митрополит Макарий были канонизированы. Следует подчеркнуть, что в работе Семенов-Басина указывается о низком уровне почитания Дмитрия Донского со стороны народа до момента канонизации. Это еще раз отражает факт церковно-политической взаимосвязи в 1988 году, поскольку возведение ряда лиц в ранг святых является своего рода проявлением патриотизма и на долго запомнится людям [10].

В это время, выражая поддержку политической стратегии правящей партии, к лику святых не причислялись лица, выступающие против революции и смены монархического порядка правления. Здесь на первый план выходит вопрос канонизации Николая II и царской семьи.

В первые годы появления власти Советов поддерживалась идея о «царе-избавителе», которая зародилась в годы перед Революцией 1917 года у сторонников монархической власти (в Брюсселе возведена церковь в память погибшим). С течением времени этот образ приобрел антагонизирующий характер и преобразовался в «царя-мученика», который является оппозицией идеологии В.И. Ленина.

Таким образом, члены семьи последнего российского монарха были причислены к лику святых в 1981 году, а в начале девяностых стал активно обсуждаться вопрос об аналогичном прославлении членов семьи императора, что и было реализовано в 2000 году. Членов императорской семьи канонизировали в статусе страстотерпцев по аналогии с Борисом и Глебом. С позиции РПЦЗ возведение царской семьи в статус мучеников за информацию веру должно было привести к возрождению ранее существующих российских устоев и традиций.

С позиции большинства экспертов, изучающих проблематику церковного характера, РПЦ практически 25 лет стремится усилить свое влияние и глубже внедриться в политическую систему и общественную жизнь. А.М. Верховский подчеркивал, что стратегия церкви ориентирована на содействие государству, приспосабливаясь к власти и поддерживающей ее консервативной части общества [4]. Данные тенденции находят отклик и в работах специалистов настоящего времени, в частности С.Б. Филатова, Б. К. Кнорре, Р. Н. Лункина. Прославление наиболее выдающихся исторических личностей приобретает высокое значение в вопросах интеграции общества, однако, в церковной системе есть антагонизирующие силы, которые стараются применять аналогичные приемы, базируясь на принципах «симфонии властей».

В православном христианстве мифологию, с нашей точки зрения, следует считать *политическим мифотворчеством*, что будет обосновано нижеприведенными фактами.

В перестроечный период в СССР сознание людей несколько иначе воспринимало текущую реальность, в их мировоззрении преобладали другие ориентиры. Ближе к распаду Советского Союза зародился культурный кризис, существующие ранее идеалы рухнули, что привело к поиску традиций в более далеком прошлом. Существование монархии, власть Советов являются важным примером процветания и господства России, где православное христианство служило прочной основой русской идентичности, а также привело к тому, что маргинальные группы использовали выгодные ценностные установки церковно-политических взаимоотношений в своих целях.

Подобные группы оказывают непосредственное влияние на идею наличия сверхъестественных качеств у ряда выдающихся в истории России личностей. Здесь можно рассмотреть Г.Е. Распутину, который выражая волю народа перед царем, поддержал позицию божественного величия правителя и был убит демонами. Он канонизирован на «Освященном Соборе Катакомбной Русской Православной Церкви истинных христиан» в феврале 1991 года как «новомученик и наставник царской семьи». Данный факт использован маргинальными группами православного христианства, которые любыми способами продвигали Распутину и его взгляды.

Аналогичными сверхъестественными качествами наделяются и другие исторические личности с двусмысленными характеристиками. Развивается тема о герое и его благочестивых деяниях в контексте православной веры. В работах С.Л. Фирсова упоминаются В.И. Чапаев, предстающий в образе народного защитника; генерал П. Н. Краснов; великий

партийный деятель И.В. Сталин; первый русский царь Иван IV Грозный и даже «страстотерпец и мученик» певец И. Тальков.

Учение о *царебожничестве (цезаризме)* освещается в работах Б.К. Кнорре. Тенденции данного учения ориентированы на прославление русских властителей и их канонизацию, что закреплено церковью на официальном уровне. Основными персонами обожествления являлись Иван IV и Николай II («царь-искупитель»).

Сверхъестественными качествами также наделяются и приближенные правителей. Наряду с Николаем II прославлялась царская семья, их ближайший друг Г.Е. Распутин, а канонизация Ивана IV сопряжена с обожествлением опричнины. В определенный период в учении о царебожестве активно почитался Павел I, но постепенно интерес к нему угас, мысли сторонников сосредоточились на двух главных персонах.

Николай II понес страдания за грехи русских, воплощая образ Христа, а Распутин – народный защитник, принес себя в жертву по аналогии с Иоанном Крестителем. Иван IV считается благодетелем, проявляющим великую заботу о народе, поддерживающим православную религию и церковь, которого оговорили со злым умыслом. Царебожники опираются на книгу 1994 года «*Самодержавие духа*», написанную митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым) и проповедует идею восстановления попорченной репутации этих выдающихся исторических личностей.

Опираясь на изложенное, следует подчеркнуть разнородность позиций в существующих православных подходах. В своих работах эксперты, применяя одни и те же механизмы, излагают в различных ракурсах трактовки прошедших событий, стремясь улучшить и позитивно повлиять на дальнейшее развитие России.

Центральной фигурой имперского периода выступает Петр I, представленный в умах людей героем, окультурившим нацию. Постепенное превращение Московского царства в Российскую Империю закрепило первообраз Петр I в качестве основателя новой державы, привившего народу культурные традиции и передовые достижения мира. Император создал другую столицу – Петербург, заменивший, по сути, Новый Рим, которым считалась Москва. Зародился миф, получивший широкое распространение в период правления Екатерины II, считающейся преемницей тенденций, заложенных Петром. Таким образом, императрица служит перевоплощением образа Петра I, продолжает его благочестивые деяния, что в мифологии можно отнести к субстанциям трансформации и обновления. Особый интерес в этой тематике представляет работа В.Ю. Проскуриной о политической мифологии времен Екатерины II [9].

Еще одной выдающейся личностью, наделенной сверхъестественными способностями, считался князь Александр Невский. Здесь преобладает стандарт *героя-воина*, который спас государство от вторжения иноземцев. В своих трудах Ф.Б. Шенк отмечает, что миф о князе глубоко запечатлелся в памяти народа и, реализуя функции власти, позволил обобщить различные эпохи исторического развития России [12, С. 177].

Прославление Александра приходится на эпоху правления Петра I, который считал себя продолжателем начинаний князя. Невский был назван покровителем Петербурга.

В работе Д.Л. Бранденбергера преимущественно рассмотрен период сталинизма. Отмечается, что в конце 30-х и в начале 40-х годов XX в. расширяется интерес к теме прославления наиболее выдающихся исторических личностей для общения культурного развития народа и политических взглядов, что сопряжено с появлением мифов и сакрализацией тех или иных лиц.

В середине тридцатых годов СМИ, кино, выставки активно повествовали о подвигах исторических личностей и героях, в частности об А. Суворове, К. Минине, Д. Пожарском, Петре I, А. Невском, Иване IV, Д. Донском, Б.Хмельницком, в целях формирования культа единых политических взглядов.

Самой выдающейся фигурой считается В.И. Ленин – лидер советской партии, добившийся власти без поддержки православного христианства и церкви. Партийный вождь считался прародителем, который нес свет народу, и представлялся в различных произведениях и повествованиях как *культурный герой*. Прославление святых в привычном укладе русской жизни служит основой пропаганды о величии Ленина [11].

Заключение

Таким образом, в процессе исторического развития России церковь и государство неразрывно коммуницировали друг с другом, что воплощается в обожествлении власти и политических ориентиров государства, сущность которых переплетается и учитывает религиозные воззрения. Рассказы и мифы о героях в контексте политической мифологии оказали существенное влияние на интеграцию государственных взглядов и тенденций.

В обозначенных приделах власть наделяется сверхъестественными свойствами, а правитель воплощает на земле волю Господа через политические концепты. Развитие политической мифологии направлено на раскрытие первообраза исторических героев и выдающихся личностей, их закрепление в памяти народа.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.130.94.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.130.94.1>

Список литературы / References

1. Андреева О.А. Становление самодержавия в Московском государстве XIV-XVI вв.: идеи и политические конструкции. / О.А. Андреева // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2022. — 2 (36). — с. 45-48.
2. Бедаев А.И. Идея святой Руси в русской средневековой культуре дис. ...канд. null: 24.00.01 : защищена 2017-06-09 : утв. 2017-06-09 / А.И. Бедаев — 2017: 2017. — 19 с.
3. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В.Е. Вальденберг. — Петроград: Типография А.Бенка, 1916. — 463 с.
4. Верховский А.М. Русская православная церковь как церковь большинства / А.М. Верховский // Pro et Contra. — 2013. — 5 (60). — с. 17-30.
5. Идрисов А. Проблема новых религиозных идентичностей в современном мире дис. ...канд. null: 5.7.9. : защищена 2023-01-12 : утв. 2023-01-12 / А. Идрисов — СПб: 2023. — 170 с.
6. Канторович Э.Х Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э.Х Канторович. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 752 с.
7. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви / А.В. Карташёв — М.: Директ-Медиа, 2020. — 495 с.
8. Преображенская К.В. Модели и типология отношений государства и христианской церкви в контексте трансформаций и вызовов современности. / К.В. Преображенская, И.Е. Осокин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2020. — 21 (3). — с. 270-280.
9. Проскурина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II / В.Ю. Проскурина — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 328 с.
10. Федотов А.А. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1988 года: некоторые итоги [Электронный ресурс] / А.А. Федотов // Научный богословский портал. — 2014. — URL: <https://bogoslov.ru/article/3960431>. (дата обращения: 21.02.23)
11. Фирсов С.Л. Ленин. Сотворение мифа / С.Л. Фирсов — СПб: Вита Нова, 2019. — 544 с.
12. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000) / Ф.Б. Шенк — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreeva O.A. Stanovlenie samoderzhaviya v Moskovskom gosudarstve XIV-XVI vv.: idei i politicheskie konstrukcii [The Formation of Autocracy in the Muscovite State in the 14th-16th Centuries: Ideas and Political Construction]. / O.A. Andreeva // Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i e'konomiki [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics]. — 2022. — 2 (36). — p. 45-48. [in Russian]
2. Bedaev A.I. Ideya svyatoj Rusi v russkoj srednevekovoj kul'ture [The Idea of Holy Rus' in Russian Medieval Culture] dis....of PhD in Social and Human Sciences: 24.00.01 : defense of the thesis 2017-06-09 : approved 2017-06-09 / A.I. Bedaev — 2017: 2017. — 19 p. [in Russian]
3. Valdenberg V.E. Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoj vlasti: ocherki russkoj politicheskoi literaturi ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka [Old Russian Teachings on the Limits of Tsarist Power: Essays on Russian Political Literature from Saint Vladimir to the End of the 17th Century] / V.E. Valdenberg. — Petrograd: Printing house of A. Benk, 1916. — 463 p. [in Russian]
4. Verkhovskii A.M. Russkaya pravoslavnaya tserkov kak tserkov bolshinstva [Russian Orthodox Church as the Majority Church] / A.M. Verkhovskii // Pro et Contra. — 2013. — 5 (60). — p. 17-30. [in Russian]
5. Idrisov A. Problema novy'x religiozny'x identichnostej v sovremennom mire [The problem of new religious identities in the modern world] dis....of PhD in Social and Human Sciences: 5.7.9. : defense of the thesis 2023-01-12 : approved 2023-01-12 / A. Идрисов — SPb: 2023. — 170 p. [in Russian]
6. Kantorovich E.Kh Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoi politicheskoi teologii [The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology] / E.Kh Kantorovich. — M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. — 752 p. [in Russian]
7. Kartashyov A.V. Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi [Essays on the History of the Russian Church] / A.V. Kartashyov — M.: Direkt-Media, 2020. — 495 p. [in Russian]
8. Preobrazhenskaya K.V. Modeli i tipologiya otnošenij gosudarstva i xristianskoj cerkvi v kontekste transformacij i vy'zovov sovremenosti [Models and Typology of Relations between the State and the Christian Church in the Context of Transformations and Challenges of Our Time]. / K.V. Preobrazhenskaya, I.E. Osokin // Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. — 2020. — 21 (3). — p. 270-280. [in Russian]
9. Proskurina V.Yu. Mify' imperii: Literatura i vlast' v e'poxu Ekateriny' II [Myths of the Empire: Literature and Power in the Era of Catherine II] / V.Yu. Proskurina — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. — 328 p. [in Russian]
10. Fedotov A.A. Pomestny'j Sobor Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi 1988 goda: nekotory'e itogi [Local Council of the Russian Orthodox Church in 1988: some results] [Electronic source] / A.A. Fedotov // Scientific theological portal. — 2014. — URL: <https://bogoslov.ru/article/3960431>. (accessed: 21.02.23) [in Russian]
11. Firsov S.L. Lenin. Sotvorenie mifa [Lenin. Creation of a Myth] / S.L. Firsov — SPb: Vita Nova, 2019. — 544 p. [in Russian]
12. Shenk F.B. Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'ny'j geroj (1263—2000) [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: a Saint, a Ruler, and a National Hero (1263-2000)] / F.B. Shenk — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. — 592 p. [in Russian]